



Николай Владимирович Станкевич

(1813-1840гг.)

Родился 27 сентября (10 октября) 1813 года в городе Острогожске Воронежской губернии. Закончил Острогожское уездное училище, через 3 года Воронежский благородный пансион. С 1830 по 1834 года он - студент словесного отделения Московского университета. На квартире, которую занимал Станкевич, часто собирались студенты, и к зиме 1831 года сложился ставший впоследствии известным «кружок».

Следует отметить, что Н.В. Станкевич поддерживал тесные дружеские отношения с семьями некоторых кружковцев (Бакунины, Бееры). Их частые встречи могут представлять интерес с позиций эпидемиологии туберкулеза. В Николая Станкевича были влюблены Любовь Бакунина и Наталья Беер. Обе девушки через несколько лет умерли от скоротечной чахотки. Есть основания полагать, что источником их инфицирования мог быть больной Николай Станкевич. Следует также отметить, что чахотка явилась причиной смерти и его двоюродной сестры.

Основным источником информации для настоящей истории болезни явились письма Станкевича. По мнению П.В. Анненкова, «с последнего университетского курса в 1833 году уже начинают показываться в нем признаки болезни легких и органического истощения». В связи с этим уместно заметить, что В.Г. Белинский, отчисленный из университета 14 сентября 1832 года «по слабости здоровья», стал посещать кружок Станкевича с сентября 1833 г.

Известно, что первые признаки грудной болезни у В.Г. Белинского появились весной 1830 года, и он, таким образом, стал посещать кружок Станкевича уже будучи больным в течение трех с половиной лет. Основываясь на этих сведениях, можно предположить возможную эпидемиологическую связь между болезнью Белинского и Станкевича.

Основываясь на письмах к Я.М. Нестерову, первые признаки заболевания появились у Станкевича, по-видимому, в период с января по март 1832 года. Поэтому можно предположить, что грудная болезнь началась у Станкевича весной 1832 года, задолго до сближения с Белинским. Однако, указание на «нездоровье» слишком неопределенно, его нельзя увязывать только с возможным началом легочного туберкулеза, но следует непременно учитывать при ретроспективном анализе и оценке всей картины развития и течения заболевания.

Сведения о болезни появляются весной 1833 года. Так, в письме Неверову 26 марта 1833 года, сообщая о своей тоске и анализируя ее истоки, Станкевич называет в качестве первопричины «сознание, что он болен». Позже, собираясь ехать к родителям, он сообщает о постепенном улучшении здоровья, но признается: «Я боюсь, чтобы в деревню больным не ехать» и просит: «не писать туда о моей болезни». Эта просьба обусловлена желанием не огорчать родителей, которые были встревожены затянувшимся нездоровьем сына. Этим же можно объяснить отсутствие в письмах родным из-за границы каких-либо жалоб на плохое самочувствие, сведений о болезни, которые могли бы их огорчить.

После зимнего периода относительного благополучия в марте 1834 года снова отмечается ухудшение. Из-за затянувшейся болезни он вынужден не посещать университет, хотя впереди у него выпускные экзамены.

Окончив университет, Н.В. Станкевич уезжает в деревню к родителям. В письме Я.М. Неверову 24 января 1835 года признается: «Я стал ни на что не похож, грустно смотреть на себя...болезнь похищает душевную энергию». 26 июня 1835 года он пишет: «На днях я решился адресоваться к Дядьковскому... он ощупал у меня живот и нашел затвердение...от этого, вместе с простудой головные нервные боли».

Если по письмам проанализировать развитие и течение заболевания в период с 1832 по 1835 год, то можно констатировать следующее: в течение первых полутора лет имеются лишь указания на периодическое «нездоровье» это понятие является слишком общим отражением плохого самочувствия, которое отмечается практически при всех заболеваниях. Следует заметить, что каждый раз состояние «нездоровья» затягивается месяц-два и более, носит сезонный характер. Самочувствие улучшается летом во время пребывания в деревне. В письмах 1834-1835 годов определение «нездоровья» дополняется сведениями «о простуде, боязни сырого климата, ослабленной нервной системе, головных болях, выраженной общей слабости, похудении».

Обращает на себя внимание отсутствие местных симптомов болезни легких (кашля, болей в груди). В письме Я.М. Неверову 4-го апреля 1836 года впервые появляется информация о «простуде», во время которой «... страшно болела грудь». По рекомендации врача принимается решение отправиться на Кавказ. В письмах этого периода впервые сообщается о «приливах крови к груди». В описаниях этих ощущений



Станкевича легко проглядывается одышка, которая отчетливо проявлялась при физической нагрузке. Судя по письму М.А. Бакунину, одышка беспокоила его и позже:

«стеснение в груди...не покидает меня и по возвращении с Кавказа». К местным симптомам легочного заболевания (боли в груди, одышка) прибавилась и еще болезнь глаз. Последующие события зимне-весеннего периода 1837 года свидетельствуют о дальнейшем выраженном прогрессировании процесса. В письме Я.М. Нестерову Станкевич пишет: «Я сделался восковой статуей, кости да кожа...Ничего почти не ем: аппетиту вовсе нет...Не могу читать, слабость в глазах...похожу да полежу - вот и все мои занятия...Меня так мучит кашель... что ты представить себе не можешь».

С позиций клинической фтизиатрии можно полагать, что до 1837 года у Н.В. Станкевича был хронический гематогенно-диссеминированный туберкулез легких. Нередко вспышка процесса при названной форме туберкулеза проявляется лишь общими расстройствами, слабостью, утомляемостью, похудением, раздражительностью, ухудшением сна, снижением аппетита, головными болями. Головные боли характерны для гематогенно-диссеминированного туберкулеза, а не для других форм. Именно у таких больных появляются многочисленные вегетативные стигмы, «хаос» вегетативной симптоматики. Вследствие лимфогенного заноса возбудителя воспалительный процесс может распространяться на внутрибрюшные лимфатические узлы, брюшину с образованием выраженных спаек, формирующих опухолеподобный морфологический субстрат, воспринимаемый врачом как «затвердение».

В легких при хроническом гематогенно- диссеминированном туберкулезе характерно продуктивное воспаление в верхне-задних отделах; в процесс часто вовлекается плевра. В письме В.П. Боткину Станкевич пишет: « У меня болят несколько горбы (продолжение плеч) на спине».

Течение хронического гематогенно-диссеминированного туберкулеза легких складывается из повторных вспышек, которые обусловлены или обострением старых очагов, или появлением новых. Значительная вспышка с формированием свежих бугорковых высыпаний в легких клинически может проявляться одышкой.

Есть основания полагать, что весной и осенью 1836 года у нашего больного отмечались именно такие вспышки. Однако при совсем неблагоприятном течении хронического гематогенно-диссеминированного туберкулеза вспышка может сопровождаться образованием инфильтратов, для которых характерен другой тип воспаления - экссудативно-некротический. Возникновение и распад инфильтрата с образованием каверны производит опасный поворот в течении заболевания, ибо появляется возможность бронхогенного распространения процесса. По нашим представлениям, именно такой нежелательный поворот наступил в конце зимы - начале весны 1837 года. Это было началом легочной чахотки (в профессиональном смысле).

С апреля 1838 года в письме Т.Н. Грановскому впервые появляются сведения о кровохаркании: «Я был в бане... на другой день показались у меня две нити, но пренебрег их появление... Сегодня явилась еще ниточка». «Ниточками», разумеется, Станкевич именует прожилки крови в мокроте.

В начале июня 1838 года Станкевич отправляется в Бонн на консультацию к врачу Нассе. Вот как он описывает результат своего визита: «Главное мнение его в том, что мне непременно нужно получить открытый геморрой». Такое заключение боннского светила может показаться недостаточно понятным, даже несколько странным. Дело в том, что «геморрой» - составное из греческих слов «кровь» и «теку», то есть дословно означает «кровотечение». Медицина прошлого времени расценивала кровотечение как естественное очищение организма, весьма полезное для здоровья. Считалось, что кровохаркание является следствием закрывшегося геморроя. С этих позиций могут оцениваться и «приливы крови к груди», таящие опасность развития легочных кровотечений при грудных болезнях. В свете изложенного становится понятным, почему Станкевичу, у которого стали отмечаться повторные кровотечения, по рекомендации доктора Нассе следовало «непременно получить открытый геморрой».

В январе 1839 года Станкевич сообщает в письмах: «Слабость – в жар бросает каждую минуту. Делать ничего не могу. Со времени последней простуды у меня болят горбы на спине так, что иногда больно сморкаться и дышать». Последняя простуда, начавшаяся в январе, не проходила в течение длительного времени, продолжалась до конца мая.

В июне 1839 года больной отмечает: «Мое здоровье не в завидном положении. Нынешнею зимою я схватил в Берлине кашель, который продолжается до сих пор: здешние воды слишком поднимают кровь, и я с первого раза имел удовольствие выплюнуть несколько капель, но ... это уже случилось со мною, лишь бы не стало часто повторяться».

Последний год своего пребывания за границей Станкевич провел в Италии, где суждено было развиться терминальной вспышке чахотки. Очередное ухудшение началось в декабре 1839 года и сопровождалось усилением кашля. В письме Т.Н. Грановскому сообщается об очередном кровохаркании, которое может расцениваться уже как легочное кровотечение: «Вдруг - кашель, и раза два-три плюнул чистейшею кровью. Эта операция продолжалась дня два или три...».

К маю 1840 г. Станкевич значительно похудел, его продолжает беспокоить слабость. Последнее его письмо датировано 1 июня 1840 года. Свое здоровье он называет «незавидным», жалуется на «лихорадочное и какое-то глупое, полусонное состояние». В письме сообщается, что в ближайшее время он отправляется во Флоренцию, Геную, на озеро Комо.

В Генуе самочувствие больного ухудшилось. По пути в Милан остановились на ночь в небольшом городке Нови. Здесь в ночь с 24 на 25 июня Н.В. Станкевич скончался. По выражению Т.Н. Грановского, «он мог бы покрыть славою десять имен и умер 27-ми лет».

Н.А. Добролюбов высоко ценил Н.В. Станкевича за «деятельное участие в развитии людей, которыми никогда не перестанет дорожить русская литература и русское общество». В их числе был назван поэт А. В. Кольцов, который скончался от чахотки в 33 года в октябре 1842 г.